

Б. Н. Флоря

Исл РАН, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. ritlen@mail.ru

РУССКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ВО ВРЕМЯ ЧИГИРИНСКИХ ПОХОДОВ (1677–1678 г.) И БОРЬБА ЗА ПРАВОБЕРЕЖНУЮ УКРАИНУ

В статье показано, как русское правительство на переговорах с Речью Посполитой в 1677–1678 г. отстаивало свои права на Правобережную Украину, которую оно в эти годы защищало от натиска османов.

Ключевые слова: Россия, Правобережная Украина, Польско-Литовское государство, Османская империя

К началу 1677 г. в Восточной Европе сложилось достаточно сложное положение. К концу 1676 г. произошли два важных события, существенно изменившие положение в этом регионе. В октябре 1676 г. договором, заключенным в Журавно, завершилась война Польско-Литовского государства с Османской империей, в которой на османской стороне выступали вассалы султана, крымский хан и правобережный гетман Петр Дорошенко. По этому договору Правобережная Украина становилась частью Османской империи и власти Речи Посполитой должны были вывести с ее территории свои войска. Вместе с тем в то же самое время был предпринят успешный поход русско-украинских войск на Правобережье, когда гетман Петр Дорошенко капитулировал и значительная часть территории, уступленной Речью Посполитой Османской империи, вошла в состав левобережного гетманства. Этот шаг, вероятно, побудил Османскую империю и Речь Посполитую поторопиться с заключением мирного договора и создавал серьезные осложнения в отношениях России с двумя указанными выше государствами.

Заняв территорию, оказавшуюся под османским протекторатом, Россия вступала в прямую военно-политическую конфронтацию с Османской империей. Так как Россия не намерена была уходить с Правобережья, возникала перспектива близкой войны с этим государством. Одновременно возникали сложности и в отношениях с Польско-Литовским государством, с которым в предшествующие годы велись переговоры о военно-политическом союзе против османов. Отношения двух государств регулировал, как известно, Андрусовский перемирный договор 1667 г., условия которого неоднократно подтверждались. По этому договору Правобережная Украина рассматривалась как часть Речи Посполитой. Действия русских на Правобережье, занятие здесь значительных территорий русскими и украинскими войсками, конечно, воспринимались в Варшаве как нарушение мирного договора. К этому следует добавить, что срок действия перемирного договора истекал в июне 1680 г. и не было каких-либо договоренностей о его продлении. В условиях, когда на Россию надвигалась большая война с Османской империей, это не могло не вызывать в Москве беспокойства. Русскому правительству предстояло принимать важные решения в сложной и противоречивой ситуации. Если отношения с османами уже весной 1677 г. приобрели вполне определенный характер — надвигалась война, то политику по отношению к Речи Посполитой еще предстояло определить.

Этот важный эпизод в истории русской внешней политики второй половины XVII в. не подвергся обстоятельному специальному исследованию в отечественной научной литературе. С. М. Соловьев в своем фундаментальном исследовании оборвал изложение событий сообщением о беседе Яна Собеского с русским резидентом В. М. Тяпкиным в марте 1677 г., ограничившись затем краткой информацией о некоторых условиях заключенного в 1678 г. русско-польского договора [Соловьев, с. 222]. Пробел был в определенной мере восполнен в специальном

исследовании Е. Е. Замысловского [Замысловский]. Исследователь ввел в научный оборот материал о русско-польских контактах 1677–1678 г., почерпнутый из посольских книг сношений с Польшей, составленных в Посольском приказе. Тем самым общая картина развития этих контактов оказалась очерчена. Вместе с тем трудно говорить о полном раскрытии в работе указанной в ее заголовке темы. Автор часто ограничивается выборочным пересказом (а в ряде случаев обширным цитированием) отдельных мест своего основного источника, не подвергая соответствующие тексты анализу и не сопоставляя их с другими свидетельствами. Так, ему осталась неизвестной относящаяся к этому времени неопубликованная часть переписки левобережного гетмана Ивана Самойловича 1677–1678 г. с Москвой и другими корреспондентами.

Специальному изучению русско-польских контактов в 1677–1678 г. посвятил один из разделов своей работы польский исследователь Э. Вуйцик [Wójcik, s. 143–163]. Он исследовал и русские, и польские источники, содержавшие сведения об этих контактах. В научный оборот был введен обширный материал о расчетах и планах польско-литовских политиков этого времени и месте России в этих планах (прежде всего, в планах короля Яна Собеского). Однако автор не уделил такого же внимания планам и расчетам русской стороны (возможно, в соответствии с названием книги, посвященной изучению польской внешней политики). Кроме того, автор сам отметил, что рассматривает не все сюжеты, связанные с русско-польскими переговорами 1678 г. [Wójcik, s. 159]. И действительно, в его изложении переговоров совсем не затронуты споры о судьбе Правобережья, мало говорится и о планах союза против османов, хотя такие инициативы исходили от польско-литовской стороны.

Все это оправдывает повторное обращение к теме с особым вниманием к расчетам и планам русских политиков.

Уже на рубеже 1676–1677 г. на Правобережье имели место прямые столкновения интересов сторон. Хотя, как уже отмечалось выше, Правобережная Украина за исключением Паволочи и Белой Церкви должна была по договору в Журавно отойти к Османской империи, окончательные условия мирного договора должны были быть определены на переговорах в Стамбуле, и поэтому в целом ряде городов Правобережья, как, например, в Немирове и Кальнике, сохранялись польские гарнизоны и польская администрация, пытавшиеся распространить свою власть на ту территорию, где раньше распоряжался Дорошенко. Уже в октябре 1676 г. левобережный гетман Иван Самойлович жаловался царю, что «ляхи» «не по делу вступаются» в «ближние к Днепру городки» киевского, каневского и корсунского полков. Гетман рекомендовал добиться, чтобы поляки «уступили», то есть ушли из занятых ими крепостей¹.

По-видимому, обращение И. Самойловича побудило власти в Москве обратиться к польскому правительству с изложением своего принципиального взгляда на положение дел на Правобережье. Соответствующая грамота была отправлена королю 11 ноября с Прокофием Возницыным. В грамоте отмечалось, что в 1676 г. польский посланник А. Чихровский просил в Москве «воевать Дорошенка». Царь послал войска, и Дорошенко «ис-под ига султана турского отступил». Гетман и «будучей при нем посольство» «учинили обещание» и передали «клейноты» — знаки власти, полученные от султана². Тем самым достаточно определенно давалось понять, не говоря об этом прямо, что территория правобережного гетманства подчиняется теперь русской власти.

Отношения сторон заметно обострились после прямого столкновения в Василькове — имении Киево-Печерского монастыря, расположенном недалеко от Киева, но уже на территории правобережного гетманства. Сохранившиеся свидетельства обеих сторон (грамота И. Самойловича от 21 ноября и белоцерковского коменданта от 8 декабря н. ст.) позволяют достаточно точно

¹ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (далее — АЮЗР). СПб., 1882. Т. 12. № 205. Стб. 775–776.

² РГАДА. Ф. 79 (Сношения России с Польшей). 1677 г. № 5. Л. 44–49.

судить о том, что произошло³. Комендант прислал в Васильков небольшой отряд, который «на старых валах разоренных» попытался поставить крепость. Этот шаг вызвал энергичную реакцию другой стороны. Прибыл большой отряд — несколько сотен человек с «нарядом» — артиллерией, который вытеснил пришельцев⁴. Это событие побудило И. Самойловича четко сформулировать свою позицию в письме белоцерковскому коменданту. В нем указывалось, что он от царя «и согласным всего Войска Запорожского соизволением по обеим сторонам Днепра Украины принял начальство и власть». Далее перечислялись правобережные полки, на которые эта власть распространяется, — киевский, каневский, корсунский и даже белоцерковский, «как при покойном Хмельницком». Комендант обратился к королю с жалобой на то, что с русской стороны «много зацепок и нелюбви показывают», и споры переместились на более высокий уровень.

Из письма короля Яна Собеского литовскому канцлеру К. Пацу от 15 декабря 1676 г.⁵ видно, что происшедшее в Василькове вызвало его резкое неудовольствие. Он предписывал выяснить, «для чего» киевский воевода и гетман Самойлович «на крепость нашу наступать дерзали». У короля это вызвало опасения, не имеет ли место «явное от Москвы войны движение». От русской стороны следовало потребовать объяснений. В соответствии с этим М. Пац предписывал резиденту в Москве П. Свицерскому добиваться прекращения таких действий на Правобережье и чтобы Самойлович не титуловался гетманом обеих сторон Днепра. Это «знатную являет недружбу и дает к войне случай». Резидент должен потребовать, «чтоб управа совершенно была учинена на тех людей»⁶. 16 января 1677 г. П. Свицерский выступил с протестом, расценив и инцидент с Васильковым и титулатуру Самойловича как нарушения Андрусовского договора⁷. Протест, однако, был отклонен. Резиденту заявили, что король давно извещен о переходе гетмана Дорошенко «из подданства турецкого салтана» под власть царя, а король «тое стороны Днепра Украину в договорех уступил салтану турецкому», поэтому никакого нарушения Андрусовского договора не происходит⁸. Резиденту ничего не оставалось, как предложить отложить этот вопрос «до комиссии»⁹.

Когда у Самойловича запросили из Москвы объяснения¹⁰, он ответил жалобами на действия польских властей на Правобережье. Он обвинял белоцерковского коменданта в том, что тот посылает «прелестные листы» в полтавский и переяславский полки, и предлагал добиваться того, чтобы комендант не мог «никаких заднепровских городков... в державу королевскую подключить никоим обычаем»¹¹. Тогда же, в начале февраля 1677 г., его посол Иван Мазепа жаловался, что О. Гоголь, назначенный королем правобережным гетманом, «стоит в Полесье близко Киева» и тоже рассылает «прелестные листы», «устрашивая войски королевского величества и турецкого салтана приходом под Киев»¹².

Эта деталь показывает, что столкновения интересов на Правобережье, когда обе стороны четко сформулировали противоположные позиции, происходили в условиях, когда становилась все более ясной угроза войны между Россией и османами. Уже в конце 1676 г. русский резидент в Варшаве В. М. Тяпкин сообщал, что османы и татары «заодно пойдут на Киев весной»¹³.

³ Там же. Л. 61–62, 65.

⁴ Позднее киевский воевода утверждал, что подчиненные белоцерковского коменданта ушли после переговоров и их «не выгоняли» (РГАДА. Ф. 79. 1677 г. № 5. Л. 103, 109–110).

⁵ РГАДА. Ф. 79. 1677 г. № 5. Л. 52–54.

⁶ Там же. Л. 56–58.

⁷ Там же. Л. 9–10, 13.

⁸ Там же. Л. 13–16. Эти доводы повторялись в царской грамоте Яну Собескому, одобренной боярами 12 января 1677 г. (РГАДА. Ф. 79. 1677 г. № 2. Л. 1–10).

⁹ РГАДА. Ф. 79. 1677 г. № 5. Л. 17.

¹⁰ Там же. Л. 98.

¹¹ АЮЗР. СПб., 1885. Т. 13. № 5. Стб. 21 (грамота гетмана от 6 февраля 1677 г.).

¹² Там же. Стб. 24.

¹³ РГАДА. Ф. 79. Кн. 178. Л. 382.

К марту 1677 г. ситуация определенно прояснилась. Выяснилось, что османские войска, недавно воевавшие с Польшей, стоят на Дунае, и появился османский ставленник Ю. Хмельницкий, «которого уже к Бабе привели», а для османского войска делают мосты на Днестре¹⁴.

В этих условиях русских политиков серьезно беспокоило, какую позицию займет по отношению к русско-османской войне Польско-Литовское государство. Для беспокойства имелись определенные основания. Так, несмотря на имевшуюся договоренность, русский резидент в Варшаве В. М. Тяпкин не был допущен к участию в польско-османских переговорах, а текст польско-османского договора не был прислан в Москву для ознакомления. Отсюда опасения, не сопровождалось ли заключение мира соглашением Османской империи и Речи Посполитой о союзе против России. И действительно, уже в конце 1676 г. литовский канцлер К. Пац официально сообщал В. М. Тяпкину, что османы и татары предлагают Речи Посполитой союз против России и соответствующее решение отложено «до пришлога сейму на изволение Речи Посполитой»¹⁵.

Понятно, что в Москве с беспокойством ожидали решений собравшегося в начале 1677 г. сейма. Некоторые сообщения были тревожными. Так, 6 марта гетман И. Самойлович поручил своим послам сообщить в Москве сведения, полученные от Тодорана, греческого купца из Люблина, о заключении польско-османского договора, предусматривавшего совместный поход на Левобережье¹⁶.

То, что происходило на сейме, не подтверждало циркулировавших ранее слухов. Как видно из сохранившихся сообщений о выступлениях политиков, целый ряд из них выражал резкое недовольство действиями России на Правобережье, но не было речи о каких-либо совместных действиях с Османской империей и было высказано общее мнение об улаживании разногласий между государствами с помощью переговоров [Wójcik, s. 98–104].

Соответствующие сигналы появились уже в начале весны 1677 г. 4 марта 1677 г. польский резидент П. Свицерский подал в Посольский приказ письмо литовского канцлера К. Паца, в котором порицались действия русской стороны на Правобережье, но одновременно указывалось: «Приговор на инструкцию московскую постановлен, и послы высланы будут»¹⁷. Тем самым вопрос о военном конфликте с Польско-Литовским государством явно снимался с повестки дня. Об этом же говорили сведения, поступавшие от русского резидента в Варшаве В. М. Тяпкина: как его сообщения и оценки, так и присланные им записи выступлений участников сейма — сенаторов и послов. Как сообщал резидент, «Речь Посполитая вся при том стоит», что с христианскими государями, в том числе и с Россией, «следует стараться о вечной покой и созыве общих сил на бусурманов»¹⁸.

27 марта состоялась беседа Яна Собеского с русским резидентом, общения с которым король ранее избегал. На этой встрече король призывал, чтобы царь «никаким ссорам не верил и не слушал», и говорил о своем желании «учинить... союз истинной против турок и татар», с которыми он вынужден был заключить мир, не в состоянии вести войну «без посылок». Он давал советы, как русской стороне следует вести надвигающуюся войну с османами¹⁹.

Все это как будто указывало, что османо-польский союз России не угрожает и, напротив, появляется перспектива заключения русско-польского союза против османов.

¹⁴ АЮЗР. Т. 13. № 8. Стб. 31; № 12. Стб. 51–52.

¹⁵ РГАДА. Ф. 79. Кн. 178. Л. 387–388.

¹⁶ АЮЗР. Т. 13. № 11. Стб. 42, 46.

¹⁷ РГАДА. Ф. 79. 1677 г. № 5. Л. 187–188.

¹⁸ РГАДА. Ф. 79. Кн. 182. Л. 48 об.–50.

¹⁹ Там же. Л. 104–115 об. См. также: [Соловьев, с. 221–222].

Линия, наметившаяся в беседе Яна Собеского с В. М. Тяпкиным, получила продолжение в последующих шагах польско-литовской стороны. 22 мая польский резидент П. Свидерский передал в Посольский приказ письмо литовского канцлера К. Паца, отправленное 4 мая н. ст. из Варшавы, в котором этот видный политик предлагал, чтобы русские, «не ожидая войны в дому от бусурман, с нами похотели, соединя силы, стоять»²⁰. На встрече с дьяками Посольского приказа 23 мая имели место весьма ответственные официальные заявления польского резидента. Как и Собеский, он опровергал «подозрения» в Москве относительно политики короля и категорически утверждал, что у его монарха с султаном переговоров «не бывало и ныне нет». Король хочет быть с царем «в союзе и в вечном мире». Правда, он заключил мир с султаном «по самой великой неволе», но если царь согласится «случить силы против того бусурманина, и королевское величество те Журавенские договоры подтвердить не изволит»²¹.

Это были весьма важные и благоприятные в сложившейся ситуации сигналы, но они не вызвали у русской стороны такой живой реакции, которой как будто можно было бы ожидать.

Дело было не только в том, что дружеские заявления Яна Собеского не вызывали полного доверия. В. М. Тяпкин не исключал, что «некаким тайным способом дадут поляки турком свои посланки», формально не нарушая мирного договора с Россией²². В Москву летом 1677 г. приходили слухи об общем походе османских и польских войск на Левобережье, которое затем отойдет к Речи Посполитой²³.

Имели значение и некоторые важные объективные обстоятельства. Так, заявления К. Паца, что необходимо скорее осуществить «случение» сил, находились в очевидном контрасте с тем, что на южных границах Речи Посполитой такие силы отсутствовали.

В феврале 1677 г. И. Мазепа сообщал, что коронные войска ушли «на становища в горние воеводства»²⁴. Не изменилось положение и позднее. Захваченные пленные турки сообщали, что ничего не слышали ни о гетманах, ни о польско-литовских войсках²⁵. Как заявили в августе 1677 г. дьяки Посольского приказа П. Свидерскому, «королевского величества войска не только к воинскому делу готовности не имеют, но и ведомости о них нет»²⁶.

Имело значение и то обстоятельство, что собиравшиеся в конце 1676 г. дворянские собрания Великой и Малой Польши требовали «со окрестными государи мир подтвердить», «ни с кем наступательные войны не всчать»²⁷. В соответствии с этим на сейме было принято решение направить в Стамбул «великих» послов во главе с Яном Гнинским для окончательного заключения польско-османского мирного договора. Уже в начале апреля в Москву пришли сообщения, что «великие» послы к султану «пошли, за ними вскоре и комиссары будут для установления рубежей»²⁸. В июле сам П. Свидерский сообщил о приезде Яна Гнинского в Каменец, где его приветствовали орудийными салютами и он был «провожден зело с великою честью»²⁹. Потом пришли известия о встрече посла перед отъездом в Стамбул с османским командующим Ибрагим-пашой³⁰. Пришли и сообщения о посылке Яном Собеским «казны» хану (15 тыс. золотых) и султану (30 тыс.)³¹. Резидент заверял, что переговоры закончатся

²⁰ РГАДА. Ф. 79. 1677 г. № 5. Л. 244.

²¹ Там же. Л. 252–253.

²² РГАДА. Ф. 79. Кн. 182. Л. 42 об.

²³ АЮЗР. Т. 13. № 50. Стб. 199–200, 207.

²⁴ Там же. № 6. Стб. 24.

²⁵ Там же. № 78. Стб. 288.

²⁶ РГАДА. Ф. 79. 1677 г. № 5. Л. 402.

²⁷ РГАДА. Ф. 79. 1677 г. № 4. Л. 20–21.

²⁸ АЮЗР. Т. 13. № 21. Стб. 102.

²⁹ РГАДА. Ф. 79. 1677 г. № 5. Л. 343.

³⁰ АЮЗР. Т. 13. № 78. Стб. 286.

³¹ Там же. № 51. Стб. 206, 215.

безрезультатно и Речь Посполитая станет искать союза с Россией³², но можно ли было полагаться на его слова?

Принимали в Москве во внимание и то серьезное обстоятельство, что в отличие от посольства в Стамбул посольство в Москву вплоть до конца 1677 г. на русскую границу так и не прибыло и в конце 1677 г. в Посольском приказе констатировали, что «великие» послы Речи Посполитой на границу «не приехали и где обретаются о том великому государю неизвестно»³³.

В Москве, впрочем, не исключали возможность совместных военных действий против османов. В царской грамоте от 3 августа 1677 г. командующим русско-украинской армией И. Самойловичу и Г. Г. Ромодановскому предписывалось «иметь пересылки» с гетманами, чтобы те «с своей стороны над тем неприятелем промысел и поиск чинили»³⁴. При этом возникал, однако, неприятный вопрос: на каких условиях польско-литовская сторона может согласиться на заключение союза против османов? Уже события рубежа 1676/1677 г. показали, какое сильное недовольство в Речи Посполитой вызывает утверждение русской власти на Правобережье. Об этом говорили и другие свидетельства. Так, В. М. Тяпкин прислал текст королевской инструкции на сеймики, который читали царю и боярам 11 февраля 1677 г. В инструкции с возмущением говорилось о том, что «господа московские о очищении Киева и не думают»³⁵. В письме К. Паца, в котором предлагалось скорое «случение» армий, одновременно предлагалось на предстоящих переговорах «договариваться и о возвращении Киева против договоров Андрусовских», так как все равно скоро «турки его возмут»³⁶.

Сами по себе требования возвращения Киева были весьма показательны. Налицо было также стремление польско-литовской стороны использовать османскую опасность, чтобы заставить русских уйти с Правобережья.

В Москве, однако, вовсе не собирались этого делать. Напротив, в Посольском приказе подыскивали обоснования для сохранения своих позиций в этом регионе. Так, весной 1677 г. в Посольском приказе в особой справке³⁷ было отмечено, что когда в соответствии с Московским договором 1668 г. «писали» к гетману Петру Дорошенко «и ко всем духовным и мирским людям, приводя их к послушанию обоим великим государям», то за этим потом последовали неоднократные обращения гетмана Дорошенко и всего Войска Запорожского сначала о том, чтобы царь стал гарантом польско-украинского соглашения, а затем чтобы царь взял их под свою защиту, чтобы оградить от религиозного гонения и нарушения их «вольностей». Справка оказалась существенно дополнена осенью 1677 г.³⁸ В записке отмечалось, что «города Киева... никогда отдать невозможно», так как власти Речи Посполитой «города Киева не только не оберегли, но и всю Украину салтану турецкому отдали»³⁹.

В последующих частях записки отмечалось, что казаков следовало «приводить в послушание милосердными разговорами», но этого не было сделано, а затем власти своими преследованиями заставили Дорошенко искать покровительства султана, а затем Украину «по старым рубежам общему всех христиан неприятелю — турецкому салтану — поступили есте». «И в настоящем бы времени, — указывалось в записке, — царское величество ту сторону Днепра своим государским воинским промыслом... подклонить не изволил бы», если бы земли Правобережья не были уступлены туркам⁴⁰.

³² РГАДА. Ф. 79. 1677 г. № 5. Л. 254–255.

³³ РГАДА. Ф. 79. Кн. 184. Л. 154.

³⁴ АЮЗР. Т. 13. № 63. Стб. 295–296.

³⁵ Текст перевода документа см.: РГАДА. Ф. 79. 1677 г. № 4. Л. 31 об.—53.

³⁶ РГАДА. Ф. 79. 1677 г. № 5. Л. 244.

³⁷ Там же. Л. 189–195.

³⁸ В ней упоминаются решения, принятые думой 8 октября 1677 г. (РГАДА. Ф. 79. 1677 г. № 12. Л. 11 об.).

³⁹ РГАДА. Ф. 79. 1677 г. № 12. Л. 23 об.—24.

⁴⁰ Там же. Л. 150 об.—155.

Таково было общее состояние русско-польских отношений по вопросу о Правобережье, когда началась большая русско-османская война.

К концу августа 1677 г. ситуация в Восточной Европе в одном отношении прояснилась. В боях под Чигирином османская армия потерпела неудачу и была вынуждена отступить в Молдавию вместе со своим ставленником Ю. Хмельницким. Все это способствовало росту авторитета русской власти и укреплению ее позиций на Правобережье. Уже в декабре 1677 г. И. Самойлович получил сообщения, что один из пехотных полков О. Гоголя хочет перейти на русскую сторону, а в конце месяца два полка из армии пропольского гетмана осуществили такие намерения⁴¹.

Сообщения захваченных во время военных действий пленных говорили о том, что польские войска в походе к Чигирину участия не приняли «и пересылок никаких у пашей с поляки не бывало»⁴². Одновременно уже в сентябре 1677 г. стали приходиться сообщения, что османы вовсе не примирились со своей неудачей и «на весну под Чигирин сам салтан и везирь будет с великими войски»⁴³.

В этих условиях было решено возобновить дипломатические контакты с Польско-Литовским государством. В конце сентября гонец Петр Обезьянинов повез Яну Собескому две грамоты. В одной из них сообщалось о намерении царя направить на переговоры с «великими» послами Речи Посполитой своих представителей во главе с В. С. Волинским⁴⁴. Иной характер носила грамота, отправленная 3 октября, когда гонец был уже в пути. Сообщая о победе над османами, которые «побежали невозвратно в Волоскую землю», царь одновременно высказывал пожелание королю «с свое... стороны о победе над тем неприятелем промыслы и происки... для возвращения Каменца Подольского чинить»⁴⁵. Этот шаг был явно направлен на то, чтобы прощупать почву, не удастся ли заключить союз с Речью Посполитой против османов.

Были использованы и другие каналы связей. Так, было обращено внимание на такого видного литовского политика, как великий гетман и воевода виленский М. Пац, который был известен как сторонник мира с Россией и русско-польского антиосманского союза. В письме, отправленном из Вильно левобережному гетману Ивану Самойловичу 14 сентября н. ст. 1677 г., он желал русской стороне победы над османами и желал «совокупления» сил в борьбе с ними⁴⁶. 21 октября И. Самойлович со своей стороны сообщал Пацу о поражении османов, посылал ему «Описание бою турецкого под Чигирином» и также писал о том, что «случение сил» «имело быти потребно и прибыльно к содержанию в целости всего христианства»⁴⁷. Сообщения о победе были отправлены и польским гетманам Д. Вишневецкому и С. Яблоновскому⁴⁸. Каких-либо серьезных результатов эти демарши в то время не принесли.

К осени 1677 г. царь и его советники оказались в сложном положении. После отъезда из Варшавы в начале лета 1677 г. русского резидента В. М. Тяпкина в Москве не было ясного представления о положении дел в Польско-Литовском государстве, планах и намерениях местных политиков.

В заметке, составленной в это время в Посольском приказе, констатировалось, что следовало бы узнать, чего хочет польский король — «вечного миру или прибавления перемирных лет... и слученія сил употребляет ли и каким образом тому случению бытъ и в которых местех

⁴¹ АЮЗР. Т. 13. № 94. Стб. 111–112; № 99. Стб. 436.

⁴² РГАДА. Ф. 229 (Малороссийский приказ). Оп. 2. № 125. Л. 77.

⁴³ Там же. Л. 175. Был и ряд других сообщений такого рода, см., например, грамоту И. Самойловича от 29 октября (Там же. Л. 266 об. — 267).

⁴⁴ РГАДА. Ф. 79. Кн. 184. Л. 6 об. — 9 об.

⁴⁵ Там же. Л. 44–44 об.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 125. Л. 191–191 об.

⁴⁷ Там же. Л. 193 об. — 217.

⁴⁸ См. тексты их ответов на письма Самойловича: РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 125. Л. 503–504.

и о Киеве и о Чигирине и всеи той стороны Днепра Украине какое намерение имеет»⁴⁹. Сведения на эту тему должен был собрать уже упомянутый П. Обезьянинов. В Москве, по-видимому, понимали, что возможности простого гонца для получения нужной информации были достаточно ограничены, и поэтому еще до его возвращения было принято решение для выяснения ситуации направить в Речь Посполитую особую дипломатическую миссию. Ее отправке предшествовали контакты осенью 1677 г. с левобережным гетманом, которого запрашивали о его предложениях относительно нового русско-польского соглашения и от которого добывались сведения о состоянии польско-османских отношений.

В большом послании, отправленном в Москву, гетман настаивал на том, чтобы «братья наша» на «той стороне Заднепрской» по новому договору вошла в состав Русского государства⁵⁰. Эти пожелания были приняты во внимание при составлении посольского наказа, а 10 января 1678 г. Самойловичу была отправлена царская грамота с заверением, что «Киев и тое стороны Днепра города... в сторону королевского величества полского отданы николи не будут»⁵¹.

О состоянии польско-османских отношений гетман не мог сообщить ничего определенного. Еще 12 февраля его посланцы передавали, что в Батурине «ничего не слышать» о том, что у короля «с турским делаетца»⁵². Вместе с тем поступали все новые сигналы о том, что Османская империя готовится к продолжению войны. Отступившая армия осталась «зимовать» на Дунае. Для ее усиления «из дальних городов войска збирают... и пушки и всякие запасы на границу высылают». 30 каторг с пушками и запасами уже пришли в Очаков⁵³. Все это способствовало решению о посылке особой миссии в Речь Посполитую.

2 декабря 1677 г. было принято решение⁵⁴ направить с особой миссией в Речь Посполитую одного из лучших русских дипломатов И. И. Чаадаева и дьяка Е. Украинцева. В грамоте, адресованной Я. Собескому, сообщалось о назначении на очередные переговоры новых представителей во главе с князем Я. Н. Одоевским и о том, что из числа этих представителей в Речь Посполитую направляются И. И. Чаадаев и Е. Украинцев. Они должны были разъяснить, что цель их приезда — в переговорах с сенаторами подготовить почву для будущей встречи «великих» послов обеих сторон, чтобы «говорить и становить было без затруднения»⁵⁵. Эти переговоры, очевидно, должны были дать советникам царя материал для ответа на волновавшие их вопросы.

Врученный И. И. Чаадаеву и Е. Украинцеву наказ делился на две части — официальные посольские речи и то, о чем следовало говорить «в тайных разговорах». Официальная часть содержала развернутое доказательство того, что, заключив сепаратный договор с Османской империей без участия русской стороны и без учета ее интересов, Речь Посполитая нарушила свои союзнические обязательства по отношению к России. Как пример нелояльности следовало привести письмо польского гетмана коронного князя Дм. Вишневецкого турецкому командующему Ибрагим-паше в связи с переходом Дорошенко под власть царя: «Дорошенко от турка отступил, не годеи при сем яко изменник дабы болши наяснейших монархов смущати имел, негоден болши защищения»⁵⁶. Попытки сенаторов как-то оправдать действия польско-литовской стороны следовало решительно отклонять. Важное место в этой «официальной» части наказа занимало развернутое обоснование прав царя на земли на Правобережье, занятые русско-украинскими войсками.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 79. 1677 г. № 12. Л. 14.

⁵⁰ Текст послания см.: РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 125. Л. 286–295.

⁵¹ Там же. Л. 321 об.

⁵² Там же. Л. 447.

⁵³ Там же. Л. 269 об., 389–390.

⁵⁴ В этот день бояре, заслушав, одобрили текст царской грамоты Яну Собескому (РГАДА. Ф. 79. Кн. 184. Л. 146).

⁵⁵ РГАДА. Ф. 79. Кн. 184. Л. 222–222 об.

⁵⁶ Там же. Л. 223–223 об.

Здесь утверждалось, что религиозные преследования и нарушения «вольностей» со стороны правящих кругов Речи Посполитой «отгнали ево, Дорошенка, в подданство к турецкому салтану»⁵⁷. Жителей Правобережья король «в соблюдении их не хранил, и тем они от договоров учинились свободны»⁵⁸, а потом украинские города Речь Посполитая «поступила турецкому салтану по старым рубежам»⁵⁹. Переход этих земель под русскую власть не является нарушением Андрусовского договора, так как царь жителей Правобережья «из подданства турецкого салтана достигнул» — «это всему свету явно есть»⁶⁰.

Аргументация эта заканчивалась весьма важным заявлением, что, даже если русское правительство согласится на передачу этих земель Речи Посполитой, местные жители, «ведая гонение и тесноту в вере и нарушение прав их и вольностей... учинятца в подданстве у неприятеля всех христиан у турецкого салтана, и будет от того христианские крови пролитие и в народе украинском смятение паче прежняго»⁶¹. Как представляется, польско-литовской стороне тем самым явно давалось понять, что любое соглашение с Речью Посполитой будет возможно лишь при признании прав России на земли Правобережья. Эти тексты определенно говорят о том, что на рубеже 1677/1678 г. в Москве были твердо намерены продолжать борьбу за Правобережную Украину.

В этой «официальной» части наказа послам предписывалось занять по отношению к польско-литовской стороне весьма жесткую позицию. Так, например, они должны были заявить, что после целого ряда нелояльных поступков с польско-литовской стороны «никакие помочи... его королевскому величеству чинить не доведетца»⁶². Единственным «позитивом» в этой части наказа было предложение продлить русско-польский перемирный договор на 13 лет⁶³, очевидно, с признанием прав России на земли на Правобережье⁶⁴.

В сложившейся ситуации, однако, не было смысла придерживаться этой жесткой позиции. Война на Правобережье не была окончена, а Османская империя была сильным и опасным противником, сотрудничество с Польско-Литовским государством могло бы оказаться полезным, а для этого надо было продлить перемирный договор. На «тайных разговорах» послы, как представляется, должны были выяснить, какие могут быть условия военно-политического сотрудничества с Речью Посполитой.

Поэтому в «тайных разговорах» следовало говорить, что, несмотря на совершенные проступки, король может «тому учинить исправление» и объединить свои силы с христианскими государями и прежде всего с царем против «бусурман»⁶⁵. Послы должны были подчеркнуть намерение царя «против тех наступающих сил» «и впредь стоять»⁶⁶.

В «тайных разговорах» послы должны были предлагать обсудить вопрос не только о продлении перемирия, но и о заключении «вечного» мира, но «не с такими великими и несносными запросы». «Запросы» касались прежде всего территориальных уступок, на которые, как уже отмечалось, послы ни в коем случае не должны были соглашаться. Однако имелось в виду, что за продление перемирия польско-литовская сторона станет настаивать на заключении соглашения о союзе против османов на своих условиях, на которые послы также не должны были соглашаться. Это касалось, в первую очередь, вопроса о «случении» армий обоих государств, как

⁵⁷ Там же. Л. 229.

⁵⁸ Там же. Л. 230 об.

⁵⁹ Там же. Л. 225.

⁶⁰ Там же. Л. 230.

⁶¹ Там же. Л. 233.

⁶² Там же. Л. 223.

⁶³ Там же. Л. 236 об.—237.

⁶⁴ Об отказе «отдать завоеванные города и Малую Росию» следовало говорить и на «тайных разговорах».

⁶⁵ РГАДА. Ф. 79. Кн. 184. Л. 247–248.

⁶⁶ Там же. Л. 252 об.

это предусматривалось Московским договором 1668 г. На «случении» армий польско-литовская сторона упорно настаивала во время переговоров о союзе в предшествующие годы [Флоря, с. 62, 63 и др.]. Здесь проявилось стремление польско-литовской стороны получить в свое распоряжение крупные военные силы и финансовые средства другого государства и использовать их в соответствии со своими планами. Как представляется, именно поэтому послы должны были категорически отказываться от «случения», «усмотря ту несносную и непомогательную помощь»⁶⁷. Послы могли согласиться только на параллельные действия двух армий: русские войска действовали бы против татар «по обоим сторонам реки Днепра», а королю следует действовать «силами своими против салтана»⁶⁸. Предполагалось, что польско-литовская сторона, если из России она получит субсидии, «может те договоры, учиненные по неволе, нарушити»⁶⁹. Такое предложение послы должны были обсудить и передать царю, но при этом следовало подчеркнуть, что соответствующие обязательства должны фиксироваться «на обе стороны ровно», чтобы и Речь Посполитая в случае необходимости выплачивала субсидии России⁷⁰.

Следует согласиться с Э. Вуйциком, когда он пришел к выводу, что русская сторона хотела добиться соглашения с Речью Посполитой на благоприятных для себя условиях [Wójcik, s. 146]. Однако могла ли русская сторона на это рассчитывать? Как представляется, послы должны были, выражаясь словами наказа, «конечно б доведетца, какое с стороны королевского величества намерение»⁷¹. Тогда бы определилось, чего ждать от будущих переговоров «великих» послов обеих стран и как строить в дальнейшем свою политику по отношению и к Османской империи, и к Речи Посполитой.

9 января 1678 г. посланники встретили в Смоленском уезде возвращавшегося из Речи Посполитой П. Обезьянинова⁷². Незадолго до этого гонец встречался с великим гетманом литовским М. Пацом, который заявлял, что нужен союз против османов «и ратных людей салтану турецкому на помочь... не дадут»⁷³. Это был важный сигнал, но в Москве было хорошо известно, что этот фактический глава Великого княжества выступает за союз России и Речи Посполитой против османов, однако не менее хорошо было известно и о его постоянных конфликтах с королем Яном Собеским и его сторонниками. Его пожелания могли и не определять политику Речи Посполитой.

Вместе с тем гетман сообщил, что весной османы придут к Чигирину «с великим собраньем», давал советы, как вести войну, но какой-либо помощи с польско-литовской стороны не обещал. При этом П. Обезьянинов привез текст польского «летучего листка», в котором говорилось, что Яну Гнинскому в Стамбуле предлагали «союз воинской» и везир «по се время на том употреблении стоит»⁷⁴. Когда в ноябре 1677 г. король принимал П. Обезьянинова в Гданьске, здесь находились крымские гонцы, которые добивались «войских польских в помощь против хановых неприятелей»⁷⁵. Правда, гонец заверял, что в Речи Посполитой хотят «стоять против турецкого салтана заодно», «а хотя, де, королевское величество и хочет с салтаном турецким быть в миру, только Речь Посполитая слышать того не хотят»⁷⁶, но на каких свидетельствах он основывался, насколько они определяли настроения в политических кругах Речи Посполитой?

⁶⁷ Там же. Л. 254 об., 256, 257.

⁶⁸ Там же. Л. 256.

⁶⁹ Там же. Л. 263 об.—264.

⁷⁰ Там же. Л. 264 об.

⁷¹ Там же. Л. 254 об.

⁷² Там же. Л. 79 об.

⁷³ Там же. Л. 77.

⁷⁴ Там же. Л. 69 об.

⁷⁵ Там же. Л. 73 об.

⁷⁶ Там же. Л. 75.

Задачи, поставленные перед посольством И. И. Чадаева, сохраняли свою актуальность. Послы 19 января 1678 г. поехали на границу⁷⁷. В пути к ним поступили сведения, что «солтан турецкой збираетца великим собраньем и хочет итти по весне вскоре на Украину», а во Львов прибыл «чауш» — посол султана к Собескому⁷⁸. Одновременно выяснилось, что, когда послы Речи Посполитой пойдут в Москву, «о том подлинной ведомости нет»⁷⁹.

Беспокоили и другие известия. 12 февраля с дороги послы сообщали, что Ян Собеский «по совету с французским королем» разрешил шведскому войску идти через Жемайтию в Пруссию против союзника Габсбургов — бранденбургского курфюрста⁸⁰. Получалось, что Ян Собеский придерживался профранцузской ориентации, а Франция была традиционным союзником Османской империи.

30 марта послы прибыли в Люблин⁸¹, где Ян Собеский собрал сенаторов для обсуждения разных вопросов. На следующий день у них имела место тайная встреча с австрийским резидентом И. Жировским. Резидент убеждал русских собеседников, что у Речи Посполитой с турками «мир некрепок» и если послы дадут предложения «о случении сил на пристойных способах», то с ними «договор чинити учнут» и выступят против Османской империи. С другой стороны, он же сообщал, что Ян Собеский разрешил французам вербовать солдат в Речи Посполитой и этим «цесарскому величеству кажет великую свою нелюбовь»⁸². При этом австрийский дипломат откровенно сказал, что Ян Собеский «мыслит zelo тайно» и его подлинные планы неизвестны⁸³.

В такой неясной ситуации начались переговоры послов с сенаторами в Люблине в начале апреля 1678 г. В этих переговорах помимо литовского канцлера К. Паца участвовали только коронные сенаторы⁸⁴.

Для сложившейся ситуации следует считать характерным, что русские послы отказывались обсуждать какие-либо вопросы, пока их не ознакомят с текстом договора, заключенного в Журавно⁸⁵. Следуя наказу, послы предложили искать союза с христианскими державами (и в их числе с Россией) и разорвать мир с Османской империей⁸⁶. Все это происходило в условиях, когда османская армия начала двигаться на север. Сенаторы сообщили послам, что султан уже двинулся к Дунаю, а затем войска османов пойдут «под Чигирин и под Киев»⁸⁷.

Поражение под Чигирином не остановило османскую экспансию. Русское государство оказалось в сложном неблагоприятном положении, и это давало основание добиваться у русской стороны уступок.

В ответ на русские предложения сенаторы высказали пожелание, чтобы царь согласился «Смоленск с Северскими городами и Украину отдать королевскому величеству», когда король заключит с ним «вечный мир», «нынешний мир разорвет и помогать великому государю учнет всеми силами»⁸⁸. Русская армия в этом случае должна соединиться с польско-литовскими войсками под Каменцом⁸⁹. Таким образом, союз оказался бы возможным, если бы Речь Посполитая могла вернуться к поляновским границам и получила в свое распоряжение русские военные

⁷⁷ Там же. Л. 320 об.

⁷⁸ См. отписку послов от 17 марта: Там же. Л. 333 об.—334.

⁷⁹ Там же. Л. 326.

⁸⁰ Там же. Л. 327—327 об.

⁸¹ РГАДА. Ф. 79. Кн. 185. Л. 73.

⁸² Там же. Л. 82, 83 об., 85 об.

⁸³ Там же. Л. 88. В книге Э. Вуйцика ошибочно сказано, что послы беседовали с русским резидентом В. М. Тяпкиным [Wójcik, s. 146—147].

⁸⁴ Перечень участников переговоров см.: РГАДА. Ф. 79. Кн. 185. Л. 118.

⁸⁵ Там же. Л. 132 об.—133.

⁸⁶ Там же. Л. 155—156.

⁸⁷ Там же. Л. 222—222 об. Позднее они сообщили, что султан собирает войска «из самых дальних краев, из Анатолии и из Полестины» (Там же. Л. 225 об.).

⁸⁸ Там же. Л. 206—207.

⁸⁹ Там же. Л. 183, 224.

силы. К этому затем добавилось еще более важное заявление, что без территориальных уступок с русской стороны не может быть и продления перемирия: «не видево, де, с стороны царского величества уступки, прибавления перемирных лет чинить не для чего»⁹⁰. Переговоры затем закончились решительным заявлением сенаторов: царь «не изволяет им отдать завоеванного, и ныне, де, им, паном-раде, с ними, великими послы, говорить не о чем»⁹¹. На этой основе объединились разные фракции польско-литовской политической элиты. Гетман М. Пац, которого не было в Люблине, прислал к ним своего «слугу» Пакоша с настоятельным советом пойти на территориальные уступки⁹².

Переговоры, правда, закончились безрезультатно, но польско-литовская сторона через разговоры посольских приставов с И. И. Чаадаевым и Е. Украинцевым пыталась воздействовать в нужном духе на русских политиков в Москве. Так, 8 апреля пристав Я. Ростворовский сообщил, что послы Речи Посполитой поедут в Москву только для того, чтобы добиваться заключения «вечного» мира с уступкой всего завоеванного⁹³. 10 апреля другой пристав С. Гжибовский обращал внимание послов, что Россия окажется в трудном положении, если война с османами будет продолжаться, а срок перемирия истечет и Речь Посполитая станет «своево упоминатца, и тогда будет на царское величество многая война», в которую вступят и шведы⁹⁴. Понятно, что и без этих сообщений такая перспектива оказывалась вероятной и должна была беспокоить и «великих» послов, и политиков в Москве.

Правда, во время переговоров сенаторы неоднократно заявляли, что никаких соглашений о союзе с Османской империей у них нет и соответствующие предложения Речь Посполитая отклонила⁹⁵, а в грамоте Яна Собеского от 16 апреля н. ст. 1678 г. говорилось о направлении в Москву послов для ведения мирных переговоров⁹⁶, но в какой мере можно было полагаться на такие заявления? При этом 7 апреля состоялась важная беседа «великих» послов с литовским канцлером К. Пацом, который сообщил, что он и гетман М. Пац добиваются сохранения мира с Россией «и впредь они будут того постерегать всякими мерами»⁹⁷. Канцлер также выступал за заключение антиосманского союза России, Речи Посполитой и Австрии, «а цесарь, де, доброй приятель царскому величеству»⁹⁸. Однако в той же беседе К. Пац ставил в заслугу себе и гетману, что «в прошлом году на сейме» они не позволили королю «учинить союз с турецким салтаном и с крымским ханом».

Характерно, что сами сопровождавшие послов приставы говорили о профранцузской ориентации Я. Собеского, о его планах начать войну с императором «за вспоможением французского короля»⁹⁹. Значение этих сообщений состояло не только в том, что, действуя таким образом, Собеский лишал в будущем Русское государство возможного важного союзника в борьбе с османами. Профранцузская ориентация короля могла способствовать заключению его соглашений с традиционным союзником Франции — Османской империей. Правда, в ближайшие месяцы в связи с ожидаемым приездом «великих» послов из Речи Посполитой можно было не опасаться какого-либо конфликта на западной границе во время предстоящих боев за Чигирин. Но было очевидно, что этими боями война не закончится, и приходилось думать о том, какое сложится положение, если мирные переговоры закончатся безрезультатно и соглашение о продлении перемирия не будет заключено.

⁹⁰ Там же. Л. 213–213 об.

⁹¹ Там же. Л. 228.

⁹² Там же. Л. 238 об.—240. Ср.: [Bobiatyński, s. 370].

⁹³ РГАДА. Ф. 79. Кн. 185. Л. 279 об.—280 об.

⁹⁴ Там же. Л. 283 об.—284.

⁹⁵ Там же. Л. 137 об.—138, 141 об.—142, 224 об.

⁹⁶ Там же. Л. 248 и след.

⁹⁷ Там же. Л. 267–267 об.

⁹⁸ Там же. Л. 268–269.

⁹⁹ Там же. Л. 282, 284.

Показательна в этом плане реакция одного из главных защитников Чигирина в ближайшем будущем гетмана И. Самойловича на важные сигналы, поступившие от гетмана М. Паца. В мае 1678 г. доверенный слуга гетмана Б. Ратомский заверял от его имени Самойловича: «дабы никакие помешки и разврату в нынешней толикой войне от войск наших не опасались». М. Пац «с иными господами» позаботится о том, чтобы «никакова нарушения не было»¹⁰⁰. Самойловичу был передан «лист» гетмана с пожеланием победы над «бусурманами». В нем читались слова: «с нашей стороны любезный мир и христианская сохраняется дружба»¹⁰¹.

Такие заявления со стороны первого светского сенатора Великого княжества и командующего литовской армией имели значение, воспринимались как некоторая гарантия сохранения мира. В ответном письме М. Пацу от 18 июня 1678 г. И. Самойлович выражал удовлетворение, «что с стороны ваших милостей покой и христианская дружба нам додержана быть»¹⁰². К тому времени, когда до Москвы достигли эти сигналы, здесь в мае 1678 г. начались переговоры с «великими» послами Речи Посполитой.

Уже на переговорах с И. И. Чаадаевым определились основные позиции польско-литовской стороны, которые нашли свое отражение и в инструкциях, данных посольству¹⁰³. Так, послы должны были добиваться заключения «вечного» мира при условии, что Речи Посполитой будут возвращены все утраченные земли. Если бы этого добиться не удалось, следовало вести переговоры о заключении перемирия, но возможные условия такого соглашения не определялись, и тем самым сохранялась опасность, что переговоры закончатся безрезультатно. Ведь, как показал ход переговоров с посольством И. И. Чаадаева, польско-литовская сторона хотела не только ухода русских с Правобережья, но и уступок части территорий, отошедших к России по Андрусовскому договору, на что русская сторона решительно не соглашалась.

Вместе с тем послам было поручено обсудить в Москве условия русско-польского союза против османов. Русские условия союза, предполагавшие отдельные действия двух армий, не удовлетворяли сенаторов, и следовало ожидать, что они будут добиваться решения о «случении» армий¹⁰⁴.

Обращение к этому аспекту отношений в немалой мере было связано с приходом сообщений о приближающемся конце общеевропейской войны¹⁰⁵. Открывались возможности для возобновления войны с Османской империей, и здесь Речь Посполитая была заинтересована в использовании военных и финансовых ресурсов Русского государства. Кроме того, следует учитывать, что добиться каких-то крупных уступок с русской стороны можно было бы, именно заключив союз против османов, с которыми Россия втянулась в тяжелую войну. Но, судя по документам, связанным с посольством И. И. Чаадаева, даже в этих условиях русская сторона вряд ли согласилась бы на «случение» армий. Сохранялась опасность, что никакой договоренности между сторонами не будет достигнуто и новое мирное соглашение не будет заключено.

«Великие» послы Речи Посполитой пришли в Смоленск 28 марта 1678 г.¹⁰⁶ На дороге их задержала весенняя распутица, и их переговоры с советниками царя начались только 13 мая¹⁰⁷. До этого о положении дел и о том, что может произойти во время переговоров, можно было судить лишь по отпискам сопровождавшего послов пристава Никифора Ефимьева. Некоторые сигналы были вполне положительными. Послы говорили Никифору, «что турку помочь чинить

¹⁰⁰ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 125. Л. 977 об.–978.

¹⁰¹ Там же. Л. 979–979 об.

¹⁰² АЮЗР. Т. 12. Стб. 607–610.

¹⁰³ О них см.: [Wójcik, s. 144–145, 150–151].

¹⁰⁴ Во время переговоров с И. И. Чаадаевым сенаторы неоднократно предлагали направить на Крым русские войска и казаков (РГАДА. Ф. 79. Кн. 185. Л. 216 об.–217, 221 об.), но при этом подчеркивалось, что главные русские силы должны идти на соединение с войсками Речи Посполитой к Каменцу Подольскому.

¹⁰⁵ Как говорил К. Пац послам: «нынешняго лета учинитца мир» (РГАДА. Ф. 79. Кн. 185. Л. 268).

¹⁰⁶ РГАДА. Ф. 79. Кн. 186. Л. 164–165.

¹⁰⁷ Там же. Л. 518 об.

и в мысли нет и впредь не будет»¹⁰⁸. Кроме того, приставу говорили, что в Речи Посполитой опасаются нового нападения османов и хотели бы заключить с Россией перемирие «без всяких запросов» и соглашение о союзе против османов «до наступления неприятельского»¹⁰⁹. Желали победы русским войскам, вышедшим к Днепру, над «бусурманами»¹¹⁰. Вместе с тем собеседники пристава, говоря о дружеском отношении Речи Посполитой к сражающейся с османами России, не распространяли этого на особу короля: «Хотя, де, король, — передавал Никифор слова собеседников, — сильной стороны ожидает, однако ж Речь Посполитая на то не позволит»¹¹¹.

Основания для серьезных размышлений давали и тайные контакты Никифора с литовскими членами посольства. Об этих контактах уже упоминалось в научной литературе [Wójcik, s. 152–153], но этот эпизод заслуживает более подробного рассмотрения. Таких встреч было две. Сначала «наодине» встречались с Никифором второй посол К. Сапега и третий посол И. Комар. Они заверяли, что если поляки захотят нарушить мир, то «литовское войско и гетман Пац до того отнюдь не допустит»¹¹². Позднее И. Комар говорил Никифору «наодине с клятвою», что Пац и литовская армия «желают против турка быти в соединении» и смогут воспрепятствовать соглашению Речи Посполитой с османами. Он добавил, что ему и К. Сапеге поручено предложить в Москве «от сенату княжества Литовского особое дело»¹¹³. О каком «особом деле» шла речь, разъяснял позднее гетман М. Пац русскому агенту Назарию Краевскому. В Великом княжестве опасались, что переговоры о продлении Андрусовского перемирия по указаниям Собеского будут прерваны и король станет «за саблюю турецкою завоеванные города отыскивать». Поэтому было приказано «послам нашим с Москвы не отъехать, покамест буде невозможно вечного миру учинить, то конечно чтоб перемирие взяли»¹¹⁴. Таким образом, в случае разрыва отношений предполагалось заключение сепаратного русско-литовского перемирия.

О том, что политическая элита Великого княжества была готова предпринять усилия для сохранения мира с Россией, говорят разные известия 70-х годов XVII в. В этом плане политическая элита Великого княжества выступала как единое целое. Показательно участие в тайной встрече К. Сапегу представителя группировки, боровшейся с Пацами за власть в Великом княжестве. Характерно, что, несмотря на существование «мирных» официальных инструкций, в Вильно, по-видимому, серьезно опасались вовлечения Речи Посполитой в какие-то враждебные России соглашения с османами.

Переговоры в Москве проходили в условиях начавшейся военной кампании. Как отмечалось выше, послы еще до приезда в Москву знали о выходе большого русского войска к Днепру, а в апреле в Москву пришли известия о движении османских войск к Днестру, где для них делают мосты¹¹⁵.

Если эта сторона дела была достаточно определенной, то ясного представления о характере польско-османских отношений сведения, поступавшие от И. Самойловича, не давали. С одной стороны, сообщалось, что Яна Гнинского везир принял «с честью», мирное соглашение подтверждено и установлены межгосударственные границы¹¹⁶. С другой стороны, приходили сообщения о трудностях, возникших в связи с реализацией мирного договора: поляки не хотят вывести войска из Кальника, Немирова и других городов, и поэтому послы Речи Посполитой задержаны в Адрианополе¹¹⁷.

¹⁰⁸ Там же. Л. 363 об.

¹⁰⁹ Там же. Л. 364–365, 367.

¹¹⁰ Там же. Л. 366–366 об.

¹¹¹ Там же. Л. 363 об.

¹¹² Там же. Л. 363 об.—364.

¹¹³ Там же. Л. 365–366 об.

¹¹⁴ РГАДА. Ф. 79. Кн. 189. Л. 589–590.

¹¹⁵ АЮЗР. Т. 13. № 132. Стб. 580–581.

¹¹⁶ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 125. Л. 468 об.—469 об., 475 об.

¹¹⁷ Там же. Л. 719, 733, 741, 779 об.—780.

Сообщения о настроениях в Речи Посполитой рисовали достаточно сложную картину. 28 марта посланец гетмана Самойловича передавал «слухи», «что королевское величество польской будто хочет держати з бусурманы, а Польша при великом государе»¹¹⁸. А в мае присланные гетманом пленные татары сообщали, что «слух у них в Крыме есть таков, что поляки думают половина в сторону царского величества, а другая — в сторону турецкого салтана»¹¹⁹.

В совсем мрачных тонах рисовало положение присланное Самойловичем письмо инокка Виссариона Шулковского, встречавшегося с людьми из окружения Яна Гнинского. В нем передавались высказывания, что «дьявол того не учинит, что учинил москаль, никогда с ним не можем помириться, покамест своего не отыщем Смоленска и Киева, лутче нам дань давать ис той же Украины туркам, нежели бы проклятии раскольницы власть имели... погубить бы их и семя не оставить»¹²⁰. Такие сообщения, как представляется, служили для русской стороны предостережением, что, несмотря на благоприятные высказывания послов приставу, русских политиков могут ожидать долгие и тяжелые переговоры.

Уже в июне, после начала русско-польских переговоров, И. Самойлович прислал в Москву послание от архимандрита Киево-Печерского монастыря Иннокентия Гизеля от 21 мая 1678 г., где говорилось о приезде в Польшу посла султана, который требует «обещанные дани, потом чтоб ему 12 000 войска против Москвы готового ставили, потом чтоб ему своей державы от Украины с Подолией по самой Львов уступили»¹²¹. Это сообщение говорило о напряженном характере польско-османских отношений, что могло побудить политиков Речи Посполитой искать союза с Россией.

Таким образом, накануне начала переговоров многое в позиции польско-литовской стороны оставалось неясным.

Начало новой военной кампании на Правобережной Украине создавало для «великих» послов благоприятные условия, чтобы добиваться у русской стороны важных уступок, как это предусматривали инструкции Собеского. Своеобразной программой-максимум было возвращение Речи Посполитой всех земель, утраченных во время русско-польской войны 1654–1667 г. В этом случае «великие» послы выражали готовность заключить с Россией не только «вечный» мир, но и военно-политический союз против османов¹²². Впрочем, послы отмечали, что, если бы даже договоренности были достигнуты, «только нынешняго лета... быти той помочи в таком скором времени не мочно»¹²³. Поэтому они предлагали, чтобы русские войска «стояли нынешнее лето при крепостях, а поля не давали»¹²⁴. Эти заявления ясно показали, что в начинающейся военной кампании русская сторона не сможет рассчитывать на какое-либо содействие со стороны Речи Посполитой, даже если согласится на ее требования.

Впрочем, во время переговоров послы неоднократно поднимали вопрос об объединении сил обоих государств для борьбы с османами и о перспективах создания антиосманской коалиции христианских государств¹²⁵. Однако заключение договора о союзе послы связывали с заключением «вечного» мира на условиях, предложенных польско-литовской стороной.

Предложения послов были резко отвергнуты русской стороной как «неслыханные запросы», и к началу июня 1678 г. вопрос о заключении «вечного» мира был снят с обсуждения¹²⁶.

¹¹⁸ Там же. Л. 649.

¹¹⁹ Там же. Л. 812 об.

¹²⁰ Там же. Л. 937.

¹²¹ Там же. Л. 981.

¹²² РГАДА. Ф. 79. Кн. 186. Л. 678 об., 680 об., 700 об.—701, 703 об. и др.

¹²³ Там же. Л. 715, 734.

¹²⁴ Там же. Л. 682.

¹²⁵ Там же. Л. 669–669 об., 670–671 об., 674, 681 об.—682 и др.

¹²⁶ 11 июня Самойловича снова известили, что «Киев и иные завоеванные города и земли в сторону королевского величества отданы не будут» (РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 125. Л. 950).

Наряду с программой-максимум у послов имелась и программа-минимум — настойчиво повторявшееся предложение, чтобы царь Федор подтвердил прежние соглашения между государствами. Смысл этого требования, выдвинутого как раз в то время, когда на Правобережной Украине разворачивалась война между Россией и османами, состояла в повторном признании Россией границ, установленных Андрусовским договором, и отказе русской стороны от завоеванных на Правобережье в 1675–1676 г. позиций. Уже 15 мая послы выразили недовольство тем, что «Дорошенко з городом Чигирином в сторону королевского величества не отдан»¹²⁷. Царю следовало бы, соблюдая договоры, «взяв Дорошенко з городами, отдать королевскому величеству», самого «злодея» Дорошенко, который заслуживает кола, тоже следовало «отдать королевскому величеству»¹²⁸. Послы также выражали удивление, что левобережный гетман Иван Самойлович «пишетца обое стороны Днепра гетманом»¹²⁹. Между тем по Андрусовскому договору Правобережная Украина принадлежит Речи Посполитой, и король «домагаетца, дабы его царское величество всяких запросов к ней отрекся»¹³⁰. Эти заявления, делавшиеся в условиях, когда за это Правобережье разгоралась большая русско-османская война, явно не создавали благоприятных предпосылок для русско-польского антиосманского военно-политического союза.

Этим заявлениям русская сторона противопоставляла свою ранее разработанную версию событий. Власти Речи Посполитой не стали слушать русских советов о необходимости уступок украинскому народу и уважения его веры. Король «довольства им не мало не учинил, но паче во всяких мерах указал озлобить», и тогда Дорошенко перешел в подданство султану и именно из-под власти султана войска царя освободили эти земли, «а с стороны королевского величества Украина по договором уступлена турскому салтану»¹³¹.

Все эти обстоятельства объясняют, почему традиционное, трафаретное для межгосударственных контактов предложение польско-литовской стороны о подтверждении прежних договоров в связи со сменой монархов на русском троне последовательно отклонялось советниками царя во главе с Н. И. Одоевским. Русские представители заявляли, что прежние договоры нарушены (в частности, с заключением сепаратного польско-османского мира) и необходимо заключать новое соглашение, предварительно устранив «трудности», возникшие в отношениях между государствами¹³². Как возможный вариант предлагалось, что царь «прежних договоров ненарушенные статьи изволит подтвердить, а те статьи, по которым зашли трудности, и те статьи отложить».

При таких разных позициях сторон переговоры к началу июня 1678 г. зашли в тупик, когда русская сторона предложила обсудить вопрос о «продолжении перемирных лет», чтобы во время перемирия «стоять против салтана турецкого и хана крымского и того неприятеля на обои государства воиною не допускать и поиск чинить»¹³³. Таким образом, русская сторона предполагала, что договор о перемирии будет и договором о союзе против османов. Предложение вызвало живую реакцию послов, желавших узнать, какое «удовольствование» в этом случае получит Речь Посполитая¹³⁴.

В дальнейшем бояре предложили заключить перемирие на 20 лет и одновременно военный союз, «а что из завоеванного у неприятеля отыскано будет и ис того, что королевскому

¹²⁷ РГАДА. Ф. 79. Кн. 186. Л. 561 об.

¹²⁸ Там же. Л. 572, 594. Позднее послы пояснили, что они бы Дорошенко «с собою к королевскому величеству не повезли, а казнили бы ево на рубежах» (Там же. Л. 785).

¹²⁹ Там же. Л. 569 об.

¹³⁰ Там же. Л. 603 об.—604.

¹³¹ Там же. Л. 564–566, 647 и след.

¹³² Там же. Л. 552–553 об., 672 об., 711 об., 717 об. и др.

¹³³ Там же. Л. 797.

¹³⁴ Там же. Л. 780–781.

величеству потребно будет, царское величество уступить изволит»¹³⁵. Такая договоренность явно предусматривала совместные действия союзных армий. Русская сторона явно готова была на серьезные уступки, чтобы заключить соглашение о союзе. Эта инициатива, однако, не встретила благоприятного отклика. Послы заявили, что такое им «удовольствование не надобно»¹³⁶.

На последующих переговорах о заключении перемирия выдвинулись на первый план два сюжета: вопрос о сроках перемирия и об «удовольствовании», которое за заключение такого соглашения получит Речь Посполитая. Что касается сроков, то Россия добивалась как можно более длительного перемирия, а Речь Посполитая настаивала на более коротком. Постепенно сроки сблизились — польско-литовская сторона предлагала 10 лет, русская — 13,5¹³⁷. Гораздо более сложным для решения оказался вопрос об «удовольствовании». От внимания послов не укрылось, что русская сторона добивается заключения соглашения именно с этими послами, не желая откладывать это на будущее время¹³⁸. В сложившихся условиях было вполне понятно, что в Москве хотели скорее заключить новое соглашение о мире, которое обеспечило бы мир на западных границах во время тяжелой войны с Османской империей. Послам представлялось, что в такой ситуации от русской стороны можно требовать серьезных уступок. Поэтому при переходе к переговорам о перемирии польско-литовская сторона потребовала уступки Киева и Чигирина. «Чигирин, — заявлял М. Чарторыйский, — взяли царского величества ратные люди войною в государстве его королевского величества... да и ныне, де, царского величества рати чинят неприятелю отпор в государстве королевского величества»¹³⁹. Одновременно предлагалось также выплатить шляхте возмещение за утраченные «маетности» — «шесть миллионов полским счотом добрыми монеты»¹⁴⁰.

На этом этапе переговоров наметились расхождения в рядах польско-литовской делегации, связанные, очевидно, с тем, что литовская часть, следуя своим инструкциям, стремилась отказаться от серьезных претензий, чтобы добиться заключения договора о перемирии. К. Сапега предложил не требовать с русской стороны столь больших компенсаций и даже заявил, что он «упросит у князя Чарторыйского Киев отложить до комиссий», что вызвало резкий ответ последнего¹⁴¹.

С обсуждением условий перемирия в переговорах наступил перерыв, связанный с присылкой важной грамоты Яна Собеского, зачитанной русским представителям на встрече 11 июня¹⁴². От короля исходили важные предложения: «Ныне бы учинить случение сил на обе стороны равно». Назывались и некоторые условия о взаимопомощи обоих государств в борьбе с наступлением османов. Если османы нападут на Россию, то король пошлет войска «в Волохи за Дунай», а если на Речь Посполитую, то царь пошлет свои войска на Крым¹⁴³.

Такое обращение Собеского в Москву является важным свидетельством начавшейся переориентации королевской политики в южном направлении после неудачных балтийских планов польского короля. Предложения обладали двумя важными особенностями. Во-первых, разрывалась подчеркивавшаяся ранее послами связь между заключением «вечного» мира (с возвратом утраченных территорий) и договором о союзе против османов. Во-вторых, речь шла о равноправном соглашении, предусматривавшем самостоятельные действия армий обоих государств.

¹³⁵ Там же. Л. 787.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Там же. Л. 803 об.—804, 806.

¹³⁸ Там же. Л. 783, 841.

¹³⁹ Там же. Л. 870.

¹⁴⁰ Там же. Л. 878, 879 об.

¹⁴¹ Там же. Л. 910 об.—911. См. также: [Wójcik, s. 158–159].

¹⁴² В исследовании Э. Вуйцика этот важный эпизод никак не отмечен.

¹⁴³ РГАДА. Ф. 79. Кн. 186. Л. 915–916, 918–919, 924–925.

Эта важная инициатива не выдвинулась, однако, в происходивших переговорах на первый план и можно отметить некоторые причины этого. Послы снова и в достаточно четкой форме дали понять, что летом 1678 г. не может быть и речи о совместных действиях войск обоих государств против османов: в распоряжении короля нет войска, нет и какого-либо решения сейма¹⁴⁴. Послы сообщили, что в декабре или январе будет собран сейм «и на том сейме способы к случению сил королевское величество и Речь Посполитая постановят». Пусть царь направит на сейм своих послов, и они «учинят договор... о случении сил обоих государств против неприятеля»¹⁴⁵. Таким образом, сами переговоры о союзе двух государств (а тем более их совместных действиях) могли иметь место лишь по завершении начинавшейся военной кампании.

Инициатива Собеского, который явно проявил желание искать союза с Россией, способствовала тому, что в ходе дальнейших переговоров возобладала точка зрения литовской части делегации, проявлявшей готовность заключить перемирие, удовлетворившись небольшими территориальными уступками. Речь шла о таких пограничных городках, как Невель и Себеж, владении Людовики Каролины Радзивилл¹⁴⁶. Это были бы небольшие уступки престижного характера¹⁴⁷. Выдвигавшееся еще на встрече 12 июня требование отдать Киев «...и с тою стороны Днепра»¹⁴⁸ было снято с обсуждения. Однако и на встрече 18 июня послы требовали значительной денежной компенсации, правда, уменьшив ее размер с 6 миллионов до 2¹⁴⁹. Последующие заседания обращались вокруг вопроса о размерах «удовольствования».

24 июня стороны обменялись проектами будущего соглашения и снова оказались подняты главные спорные вопросы. Польский проект¹⁵⁰ предусматривал подтверждение прежних договоров «во всем непоручимо... безо всякого умаления и без противного тлумачения» (ст. 1), вопрос о Киеве откладывался, но подчеркивались права Речи Посполитой на этот город (ст. 3–4). Что касается Чигирин, то «та обида его королевского величества и Речи Посполитой отлагаетца» до переговоров с послами, которые приедут принимать королевскую присягу на заключенный договор (ст. 11). Царь обязывался выдать Дорошенко (ст. 12), заявить, «что себе другой стороны Украины присвоить не будет» (ст. 14). Включал проект и обязательство русской стороны, «дабы ратные люди его царского величества и казаки северские Днепр не переходили» (ст. 5).

Для обсуждения спорных вопросов предполагалось «в скором времени» созвать комиссию с участием посредников¹⁵¹. Послы выражали надежду, что на такой комиссии посредники вынесут в их пользу решение о Киеве и Чигирине¹⁵².

Понятно, что русская сторона не могла принять польско-литовский проект, и споры возобновились. На встрече 26 июня русская сторона заявила, что в договор не будет включено утверждение о рассмотрении в комиссии вопроса о Чигирине и Правобережье, и был поднят вопрос об «отпуске» послов без заключения соглашения¹⁵³. Позднее присланному в Посольский приказ посланцу было сказано, что царь прерывает переговоры и не направит в Речь Посполитую своих послов¹⁵⁴.

Твердая позиция русской стороны побудила к активности литовскую часть делегации. 2 июля К. Сапега прислал в Посольский приказ своего посланца с предложением возобновить переговоры¹⁵⁵.

¹⁴⁴ Там же. Л. 940 об.

¹⁴⁵ Там же. Л. 938, 946–946 об.

¹⁴⁶ Добиваться возвращения этих городков Ян Собеский специально поручал послам [Wójcik, s. 158].

¹⁴⁷ «А Невель, де, и Себежь, и Велижь, и Красное Городище — самые пустые места», — говорил К. Сапега, обращаясь к русским представителям (РГАДА. Ф. 79. Кн. 186. Л. 954).

¹⁴⁸ РГАДА. Ф. 79. Кн. 186. Л. 898 об.

¹⁴⁹ Там же. Л. 956–957.

¹⁵⁰ РГАДА. Ф. 79. Кн. 187. Л. 71 об.—84.

¹⁵¹ Там же. Л. 88 об.—89.

¹⁵² Там же. Л. 116 об.—117.

¹⁵³ Там же. Л. 129 об.—132.

¹⁵⁴ Там же. Л. 142–142 об.

¹⁵⁵ Там же. Л. 149–149 об.

В возобновившихся переговорах вопрос об «удовольствовании» для Речи Посполитой отошел на второй план, а на первый план выдвинулся вопрос о подтверждении прежних договоров и перечне вопросов, которые будут обсуждаться на комиссии. В русском проекте снова отмечалось, что царь подтвердит договоры, кроме «поврежденных» статей, среди которых фигурировала ст. 2 Андрусовского договора, где устанавливалась граница между государствами¹⁵⁶. В польском проекте утверждалось, что царь должен подтвердить договоры, статей «ни одной ис присяги не вынимая», а на комиссии должна была обсуждаться ст. 4 Андрусовского договора «о непрехождении на другую сторону Украины... и о непринимании в заступление свое тамошних людей».

К этому времени в распоряжении русской стороны оказался текст письма послов Яну Собескому¹⁵⁷, где говорилось об их намерении заключить перемирие, чтобы русские не «хотели кинутца к договором о покое с турским»¹⁵⁸. Знакомство с этим документом давало надежды на успешное окончание переговоров.

14 июля боярская дума и патриарх обсуждали итоги переговоров. Бояре предложили, чтобы переговоры о перемирии продолжали послы, которые поедут к королю, и выражали опасения, чтобы с польско-литовской стороны, «вымания города и денги, не учинили какой неправды»¹⁵⁹. Патриарх Иоаким с этим не согласился и предлагал приложить усилия для заключения перемирия с послами в Москве. При этом патриарх настаивал: уже в первой статье договора было зафиксировано обязательство польско-литовской стороны, чтобы «православным христианом тесноты... и к унее неволи не было». Одновременно он предлагал «от прежнего Андрусовского союзу отбежать», он — «неисправен», и «исправить ево ныне и впредь невозможно»¹⁶⁰. Записи повез царю в поход князь М. Ю. Долгоруков¹⁶¹.

Несмотря на такое мнение бояр, переговоры продолжались. Хотя и по-разному, на обе стороны воздействовала приближающаяся османская опасность. Разумеется, сильнее этот фактор воздействовал на русскую сторону. На переговорах дело не обошлось без целого ряда обидных для польско-литовской стороны высказываний о событиях 1672 г. Каменец Подольский был сдан, так как в нем был маленький гарнизон, «а хлебных и воинских запасов и ничего не было»¹⁶², а «домовые рати не токмо к отпору тому неприятелю не пришли, но ни мало не собрались»¹⁶³. Русские представители выражали убеждение, что Россия не окажется в таком же положении: «многочисленные царского величества рати ныне у Днепра, а иные у Чигирина и за помощью Божию Чигирин не в таком устроении, как Каменец Подольский»¹⁶⁴.

Тем временем османская армия, перейдя Днестр, двигалась на север. 8 июля ее передовые отряды подошли к Чигирину [Смирнов, с. 151–152]. 15 июля в Москве была получена грамота гетмана И. Самойловича о приходе к Чигирину авангардов осmano-татарской армии¹⁶⁵.

Но происходившее вызывало беспокойство и польско-литовской стороны. Большие силы османов оказались у границ Речи Посполитой с неясными для польско-литовских политиков намерениями. Неудивительно, что тема сотрудничества была поднята на встрече 9 июля по инициативе польско-литовской стороны. Послы сообщали о получении от литовского канцлера К. Паца «ведомости, что все окрестные государи христианские между собою помирились», и поэтому следовало и царю, и королю «писать» к ним «о помочи против салтана турского»¹⁶⁶.

¹⁵⁶ Там же. Л. 232 об.—233.

¹⁵⁷ Там же. Л. 245–245 об.

¹⁵⁸ Там же. Л. 221–224.

¹⁵⁹ Там же. Л. 304 об.

¹⁶⁰ Там же. Л. 315–318; [Замысловский, с. 29–30].

¹⁶¹ РГАДА. Ф. 79. Кн. 187. Л. 318–318 об.

¹⁶² Там же. Л. 558.

¹⁶³ Там же. Л. 569.

¹⁶⁴ Там же. Л. 864 об.

¹⁶⁵ АЮЗР. Т. 13. № 142.

¹⁶⁶ РГАДА. Ф. 79. Кн. 187. Л. 272 об.

Тема получила продолжение на встрече, состоявшейся 18 июля. Соглашаясь на заключение 13-летнего перемирия, как предлагала русская сторона, послы Речи Посполитой выдвинули два условия: 1) о заключенном договоре султану и хану «не объявлять»; 2) об обещании русской стороны в случае нападения османов и татар на Речь Посполитую, что последней будут направлены на помощь «все войска на Украине будучие»¹⁶⁷. Царь дал согласие на оба условия¹⁶⁸.

По-видимому, взяв на себя такие важные обязательства, в Москве рассчитывали на уступки польско-литовской стороны по вопросу Правобережья. И эти ожидания нашли отражение в проекте договора, зачитанном царю 21 июля. В проекте устанавливался мир между городами и землями, которые «издавна в которой стороне были», но и «завоеванными, которые по нынешнему перемирному договору в которой стороне остались». Далее это определение раскрывалось: «А и Чигирину с належащими городами и уезды быть в стороне царского величества»¹⁶⁹. К этому времени, 19–20 июля, были получены новые грамоты от Самойловича о начале осады Чигирин и переходе через Днепр идущей на помощь городу русско-украинской армии¹⁷⁰. Понятно в этих условиях стремление советников царя Федора закрепить за Россией территорию, которая стала объектом столь тяжелой борьбы.

В соответствии с рекомендациями патриарха¹⁷¹ в ст. 6 проекта фиксировалось обязательство польско-литовской стороны, что православным церквям и монастырям в Речи Посполитой «никакова разорения и утеснения и х костелам и к унее принуждения люди его королевского величества духовные и мирские всякого чину чинити не имеют»¹⁷².

В ст. 12 проекта отмечалось, что возникшие «трудности» откладываются «до комиссии», а заключенные договоры должны соблюдаться «кроме затрудненных статей»¹⁷³. Тем самым русская сторона могла не сохранять межгосударственную границу, установленную ст. 2 Андрусовского договора. Налицо была, таким образом, еще одна попытка закрепить за Россией территории, занятые русскими войсками на Правобережье.

Однако эта попытка натолкнулась на резкий протест послов Речи Посполитой. На встрече 22 июля они заявили, что «на тех... их статьях некоторыми делы быть перемирью невозможно», и вернули русским представителям их проект¹⁷⁴.

Затем в переговорах наступил перерыв. 23 июля пришла грамота от гетмана И. Самойловича об успешном переходе русско-украинской армии через Днепр и поражении османо-татарских войск, пытавшихся этому помешать¹⁷⁵. Был устроен благодарственный молебен с участием царя¹⁷⁶. Война, однако, разгоралась, и скорое заключение перемирного договора становилось важным делом, так как тем самым открывалась дорога к заключению русско-польского союза против османов. Приходилось искать компромисс. Он нашел свое выражение в новом проекте договора, отправленном послам 27 июля¹⁷⁷. Вызвавшее протест послов предложение записать Чигирин и другие города на Правобережье, занятые русскими войсками, «в стороне царского величества» было снято, и это дало возможность возобновить переговоры.

На возобновившихся переговорах послы руководствовались указаниями Яна Собеского, которые оказались в распоряжении советников царя 30 июля¹⁷⁸. Ян Собеский констатировал,

¹⁶⁷ Там же. Л. 349 об.—350.

¹⁶⁸ Там же. Л. 352–353.

¹⁶⁹ Там же. Л. 383, 386 об.

¹⁷⁰ АЮЗР. Т. 13. № 144–145.

¹⁷¹ «6-ю статью дополнить... как в патриаршей речи... написано» (РГАДА. Ф. 79. Кн. 187. Л. 377 об.).

¹⁷² РГАДА. Ф. 79. Кн. 187. Л. 387.

¹⁷³ Там же. Л. 394 об.—395.

¹⁷⁴ Там же. Л. 401 об.—402.

¹⁷⁵ АЮЗР. Т. 13. № 147.

¹⁷⁶ РГАДА. Ф. 79. Кн. 187. Л. 430–432 об.

¹⁷⁷ Там же. Л. 473 и след.

¹⁷⁸ Там же. Л. 505 об. и след.

что в сложившихся условиях нельзя требовать от России Киева, «чтоб не молвили государи христианские, что поляки с турком держат». Одобряя выработанные условия перемирия, король добивался, чтобы присяга царя «в целости пребывала, применяясь к договорам Андрусовским, а естли б инако имело быть, чаю... что ни к чему не приступите». В соответствии с этим в польском проекте договора говорилось о подтверждении царем Федором «во всех тех договоров и посольского постановления статьях»¹⁷⁹. Польская сторона также предлагала написать в договоре специально «о городах и о землях, которым в которой стороне быть»¹⁸⁰. Послы снова хотели добиться обязательства русской стороны соблюдать установленную Андрусовским договором межгосударственную границу в условиях русско-османской войны за Правобережье.

Текст перемирного договора был окончательно согласован 31 июля¹⁸¹, а 7 августа царь Федор принес соответствующую присягу¹⁸². Переговоры завершились своеобразным компромиссом. Русская сторона согласилась на общее подтверждение предшествующих русско-польских соглашений, о таком подтверждении говорилось и в присяге царя¹⁸³. Но вместе с тем вопреки пожеланиям послов граница между государствами в новом соглашении не была описана. В нем также отмечалось, что при реализации соглашений возникли «трудности», рассмотрение которых откладывалось «до комиссии с посредники»¹⁸⁴. Тем самым вопрос о положении на Правобережье оставался открытым.

В грамоте, отправленной 11 августа гетману Ивану Самойловичу с сообщением о завершении переговоров, ему напоминали, что царь уже раньше сообщал ему, что «Киев и с тое стороны Днепра городы, которые превращены в нашу царского величества державу ис подданства турецкого салтана, в сторону королевского величества польского отданы не будут»¹⁸⁵. Несколько дней спустя был предпринят шаг, который должен был косвенно указать на это возвращавшимся в Речь Посполитую «великим» послам. 17 августа к ним были отправлены отписки И. Самойловича и Г. Г. Ромодановского о приходе русско-украинской армии «под самой Чигирин» и пополнении его гарнизона¹⁸⁶. Посланцы, передававшие отписки, должны были сообщить послам, что османы потерпели поражение «и город из осады свободили»¹⁸⁷. Так ясно давали понять, что Русское государство ведет решительную борьбу за сохранение своих позиций на Правобережье.

Предпринятый шаг имел и другой аспект. К этому времени писарь Семен Пакович привез в Москву перехваченные письма, касавшиеся вопроса о передаче османским властям городов на Правобережье, в которых еще находились польские власти. Среди них были письма Шатинчауша, представителя султана, который должен был занять Немиров. Чауш извещал своих начальников, что его «в город не впустили». Как сообщал кальницкий полковник Г. Негребецкий османскому ставленнику Ю. Хмельницкому, польские власти таких городов заявляют: «если турецкой Чигирин возмет, то и у нас мир с миром, а естли не возмет, то и вся Украина наша»¹⁸⁸. В такой ситуации информация об освобождении Чигирина могло побудить польские власти к дальнейшему сопротивлению.

Вместе с тем продление договора о перемирии между государствами создавало условия для продолжения переговоров о союзе против османов. На это после заключения договора

¹⁷⁹ Там же. Л. 493 об.

¹⁸⁰ Там же. Л. 504 об.

¹⁸¹ Там же. Л. 515.

¹⁸² Там же. Л. 531 и след.

¹⁸³ Там же. Л. 702 об.—703.

¹⁸⁴ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 2. № 730.

¹⁸⁵ РГАДА. Ф. 79. Кн. 187. Л. 877 об.

¹⁸⁶ Там же. Л. 979–993.

¹⁸⁷ Там же. Л. 975 об.—977.

¹⁸⁸ Там же. Л. 1061 об.

указывали «великие» послы. Так, уже на встрече 3 августа послы заверяли русских собеседников, что «всякими мерами королевское величество и Речь Посполитую на сейме станут приводить, чтоб... случив войска свои, стоять против общих неприятелей, салтана турецкого и хана крымского заодно»¹⁸⁹. 5 августа состоялась отдельная встреча с литовскими представителями К. Сапегой и И. Комаром, выражавшими пожелание, чтобы «обои великие государи стояли против наступления бусурманского крепко»¹⁹⁰.

Осенью 1678 г. в руки русских властей попали письма брацлавского старосты Стефана Пясечинского (одно из них передал его сын Николай, шляхтич из свиты К. Сапег), содержавшие важные для московских политиков сведения. В письме, адресованном киевскому воеводе, С. Пясечинский опровергал слухи об османо-польском соглашении и предостерегал против попыток османской стороны создать впечатление о существовании польско-османского союза. «И что нам им помогать, и слова о том говорить не дадим»¹⁹¹.

В письме сыну Николаю С. Пясечинский сообщал (вслед за «великими» послами), что «меж христианскими государи покои уговорен подлинно»¹⁹². Важное значение имели и его сообщения о походе «цесарских» войск в Венгрию «против изменников», вступивших в контакты с султаном¹⁹³. Представляли безусловный интерес его сообщения, что в среде магнатов и шляхты вызвали резкое недовольство попытки французских дипломатов из Польши оказывать этим «изменникам» помощь. «На тайной промысл французской, — писал С. Пясечинский, — зде ныне в Полше злыи ветр веет... болши Речь Посполитая не может таких поступков терпеть»¹⁹⁴. Все эти сообщения говорили о том, что появляются благоприятные условия для переговоров о русско-польском союзе против османов, а возможно, и о создании антиосманской коалиции.

Как показывает история русско-польских переговоров 1678 г., русское правительство было намерено вести переговоры о союзе, явную заинтересованность в котором проявила и польско-литовская сторона, твердо отстаивая русские позиции на Правобережье. Падение Чигирина 10 августа 1678 г. и последовавшее затем взятие Канева и утверждение власти османов на Правобережье не дали русскому правительству возможности и далее отстаивать такие позиции.

Вместе с тем сложившееся положение, неудачи, постигшие русскую армию во время второй военной кампании против османов, делали актуальным вопрос о поисках военно-политических союзов против османов и с Речью Посполитой, и с другими европейскими государствами, начавшими выходить из долгой и тяжелой общеевропейской войны. К достижению такой цели оказались направлены многие усилия русской дипломатии в последующие годы.

Литература

Замысловский Е. Е. Сношения России с Польшей в царствование Федора Алексеича. СПб., 1888. 90 с.

Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI—XVII вв. М., 1946. Т. 2. 172 с.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен: В 15 кн. М., 1962. Кн. 7. 726 с.

Флоря Б. Н. Переговоры между Россией и Речью Посполитой о союзе против османов (1673—1676 г.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 1 (67). С. 61—75.

Bobiatyński K. Michał Kazimierz z Pac wojewoda wileński, hetman wielki litowski. Warszawa, 2008. 458 + 23 ilustracje + tablica genealogiczna

¹⁸⁹ Там же. Л. 520 об.

¹⁹⁰ Там же. Л. 528 об.—529.

¹⁹¹ Там же. Л. 996 об.

¹⁹² Там же. Л. 995.

¹⁹³ Там же. Л. 994, 997 об.

¹⁹⁴ Там же. Л. 994, 995.

Wójcik Z. Rzeczpospolita wobec Turcji i Rosji. 1674–1679. Studium z dziejów polskiej polityki zagranicznej. Wrocław etc., 1976. 249 s.

References

- Bobiatyński, K. Michał Kazimierz Pac wojewoda wileński, hetman wielki litowski. Warszawa, 2008. 458 + 23 ilustracje + tablica genealogiczna
- Florya, B. N. Peregovory mezhdu Rossiei i Rech'yu Pospolitoi o soyuze protiv osmanov (1673–1676 g.) [Negotiations between Russia and The Polish-Lithuanian Commonwealth on an Alliance against the Ottomans (1673–1676)]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2017. № 1 (67). P. 61–75.
- Smirnov, N. A. Rossiya i Turtsiya v XVI–XVII vv. [Russia and Turkey in the 16th – 17th Centuries.]. M., 1946. T. 2. 172 p.
- Solov'ev, S. M. Istoriya Rossii s drevneishikh vremen: V 15 kn. [History of Russia since Ancient Times: In 15 Books.]. M., 1962. Kn. 7. 726 p.
- Wójcik, Z. Rzeczpospolita wobec Turcji i Rosji. 1674–1679. Studium z dziejów polskiej polityki zagranicznej. Wrocław etc., 1976. 249 s.
- Zamyslovskii, E. E. Snosheniya Rossii s Pol'shei v tsarstvovanie Fedora Alekseevicha [Relations between Russia and Poland in the reign of Fyodor Alekseevich]. SPb., 1888. 90 p.

Boris N. Florya

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

RUSSIAN-POLISH RELATIONS DURING THE CHIGIRIN CAMPAIGNS (1677–1678) AND THE STRUGGLE FOR RIGHT-BANK UKRAINE

The paper demonstrates how the Russian government asserted its rights to the Right-Bank Ukraine at the negotiations with the Polish-Lithuanian Commonwealth in 1677–1678, whereas defending the named territory these years from the onslaught of the Ottomans.

Keywords: Russia, Right-Bank Ukraine, Polish-Lithuanian Commonwealth, Ottoman Empire